

СКАЗКИ РУМЫННИ

СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА

Сказки народов мира (ИД Мещеряков)

Сборник
Сказки Румынии

«Издательский Дом Мещерякова»

УДК 82:398
ББК 82.3(0)

Сборник

Сказки Румынии / Сборник — «Издательский Дом Мещерякова»,
— (Сказки народов мира (ИД Мещеряков))

ISBN 978-5-00108-477-8

Внутри этой книги тебя ждут истории об огнедышащих драконах, крылатых змеях, заколдованном кабане и об удивительной фее утренней зари. Скорее отправляйся в путешествие и выясни, что ещё скрывает удивительный мир румынских сказок!

УДК 82:398
ББК 82.3(0)

ISBN 978-5-00108-477-8

© Сборник
© Издательский Дом Мещерякова

Содержание

Стан Сокруши-Скала	6
Сыновья с золотыми звёздами	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сказки Румынии

© Ю. В. Фокина, перевод, 2019

© С. Б. Ильин, перевод, 2019

© Н. А. Михальчук, иллюстрации, 2019

© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2019

Стан Сокруши-Скала

Что было, то было; а ежели бы не было, так и сказку бы не сказывали!

Давным-давно шумело-гудело село, а на самом его краешке – там, где поле начиналось, куда волов пастись гоняли; там, куда поросята сами бегали, чтобы пяточками своими корни дубов подрить, желудей сыскать, – стоял домишко-невеличка. Жил в нём Стан со своей доброй женой.

Всё жена печалилась да кручинилась, и однажды утром не выдержал Стан – прямо её спросил:

– Почему на людей не глядишь, почему головка твоя клонится, будто роза на стебельке поломанном?

А жена отвечала:

– Не спрашивай, не допытывайся! На что тебе причину кручины моей знать?

И в слёзы ударилась, бедняжка!

Плечами пожал Стан, пошёл в поле работать.

Целый день точила его тревога. И ночью спать не давала, и на другой день не отстала. Снова принялся Стан спрашивать, почему печальна жена, – и прежний ответ получил. Ещё несколько дней выждал – всё плачет женщина, на свет белый не глядит. В третий раз спросил её Стан:

– Какая кручина томит тебя, милая? Откройся мне, твоему мужу!

А жена руки заломила, с горечью воскликнула:

– На что тебе знать? Покамест только я одна кручинюсь – так и горе одно. А как расскажу – и ты закручинишься. Удвоится горе! Поверь, супруг мой, – лучше тебе в неведении оставаться.

Был ли, будет ли когда мужчина, который с таким ответом смирится? То-то же! Не смирился и Стан, вновь с расспросами подступился.

– Вижу, не успокоишься ты, пока печали не удвоишь! Ну так я тебе откроюсь. Знай, Стан, что нету счастья в нашем доме!

– Как это нету?! – возмутился Стан. – Разве корова наша не самая молочная во всём селе? Разве яблони, груши да сливы не ломаются от плодов каждое лето? Разве не полны ульи тягучего мёда? Разве нива наша не самая тучная? Опомнись, женщина! Глупости ты болтаешь, о пустом печалишься!

– Всё так, муж мой, – отвечала жена. – Довольно у нас молока, плодов, мёда и хлеба. Но мы бездетны – в этом наше горе!

Застыл Стан, будто громом поражённый. Глаза у него открылись, а ведь известно: как только глаза у мужчины открываются, как только осознаёт он, чего лишён, – ему и житьё не в радость.

И вот стало двое несчастных в домике на окраине села. Раньше жена одна печалилась, а с тех пор, как и мужа горе заело, бедная женщина слезами умывалась от зари до зари.

Не выдержал такого Стан – решился идти к святому отшельнику. Целый день в пути провёл, наконец увидел тихую обитель. Сам благочестивый старец на крылечке сидит, словно Стана поджидает.

Упал Стан ему в ноги, взмолился:

– Помоги горю, отче! Дай нам с женой потомство!

– Смотри, Стан, – желания иногда сбываются! Точно ли ты хочешь иметь детей? А прокормишь ли их? Оденешь ли? В люди выведешь?

– Уж я прокормлю, было бы кого! Уж я одену, было бы кого! Уж я в люди выведу – были бы дети у нас с женой!

– Что ж, ты сам так хотел, – отвечал святой отшельник.

Махнул он рукой – дескать, домой ступай, – и Стан повиновался.

Усталый, запыхлённый достиг он родного села. Вечер уже был, солнце к закату клонилось – а надежда в сердце у Стана так и разгоралась, будто светлая зорька.

Вот подходит Стан к дому. Что такое? Голоса детские слышатся! Стан ушам не поверил, да пришлось поверить глазам! Во дворе детишки его встретили, из сада другие прибежали! Третьи к окошкам прильнули, носами прижались – отец вернулся! И все-то ещё совсем малыши: мал мала меньше да один другого бедовее! Похолодел Стан, застыл на месте. Вот и сбылось его желание! Подарил ему святой отшельник детей, не пожадничал! Стоит Стан и бормочет:

– Силы небесные! Сколько же их у меня? На что мне так много?

– Не много, муженёк, а в самый раз!

Поднял Стан глаза, видит – выходит из дома жена, вся от счастья так и светится, а за платье, за передник ещё детишки цепляются – румяные, кудрявые все как один!

Однако и жена, уж как радовалась детям, быстро поняла: трудно за всеми уследить, а ещё труднее всех прокормить. Несколько дней минуло – кончились в доме припасы, а ребятня давай плакать:

– Папа, папа, дай поесть! Есть хотим, папа!

Принялся Стан в затылке чесать. Что правда, то правда: никогда он так счастлив не был, как в эти последние дни; много радости ему дети принесли – ну а теперь должен он сам принести им еды. Корова, хоть и самая молочная в селе, недостаточно молока даёт, а фрукты ещё не скоро поспеют – стало быть, идти Стану в раздобытки.

– Слышишь, жена! Оставайся, детишек береги да меня жди-поджидай! Не знаю, не ведаю, где и как еды для них найти, ну а всё-таки попытаюсь.

Так сказал Стан и пустился в путь.

Для голодного человека всякая дорога длинна, а уж тому, кого точит дума о сотне голодных детишек, сами камни дорожные во сто крат жёстче. Шёл и шёл Стан, пыль глотал, и вот добрался до края света – а там, известно, обычное с небывалым перепутано и всё не тем обобщается, чем на первый взгляд показалось.

Увидел Стан отару – семь овечек прямо перед собой, остальные вдали, в тени древесной.

«Вот удача! – думает Стан. – Авось как-нибудь подманю этих семерых, домой уведу. Надобно только сумерек дожждаться».

Залёг в ложбине, ждёт. Вот смерклось, раздался шум да треск, и появился среди туч ужасный крылатый змей! Ухватил он барашка, ухватил овечку, ухватил ягнёночка, в когтищах зажал. А потом давай овец доить. Добыл молока у семидесяти семи, бурдюки наполнил – и был таков. А молоко требовалось змею для его матушки-змеихи. Купалась старая, сморщенная змеиха в молоке, чтобы молодою да гладкою стать, и еженощно посылала сына на разбой.

Напрасно несчастный пастух падал ниц перед змеем, напрасно умолял помиловать, не обирать до нитки, – змей только смеялся, огнём пыхая. И понял Стан: здесь не добыть ему пропитания, пастух и сам бедствует.

Понял – а домой не повернул. Только представил, как выбегут ему навстречу голодные детишки, ручки станут протягивать, есть просить, – сердце в груди кровью облилось, и начал Стан смекать да прикидывать.

– А что ты, добрый пастух, дашь мне, ежели я от змея твоё стадо избавлю?

Так спросил Стан, а пастух обрадовался несказанно!

– Сделай милость, чужеземец! Получишь ты из каждого трёх баранов – баранчика, из каждого трёх овечек – овечку, из каждого трёх ягнят – ягнёночка. Вот и считай, сколько всего выходит!

Быстро посчитал Стан, и страшновато ему сделалось: как погонит он домой этакую огромную отару, ежели и впрямь змея одолеет?

– Щедрое условия предлагаешь, пастух! Согласен я, – отвечал Стан, а про себя подумал: «Главное – со змеем совладать, а уж добро своё как-нибудь домой доставлю!»

Вот смерклось. Лежит Стан в засаде и думает: «Ну куда мне со змеем тягаться? Уж конечно, спалит меня чудовище либо живьём проглотит! Нет, ворочусь-ка я домой подбрю-поздорову!» Хотел он тайком от пастуха сбежать, да вспомнил про детей – остался. «Будь что будет», – сказал себе.

Полночь наступила, зашумело в небесах, затрещало – змей прилетел.

А Стан как выскочит из кустов, как закричит:

– Тебя-то мне и надобно, ящер поганый!

Опешил змей – не ожидал он такого. Попятился даже, сам себе на хвост наступил, но совладал с собой, зарокотал грозным голосом:

– Кто ты есть, откуда взялся?

– Я – Стан Сокруши-Скала! По ночам камнями питаюсь, днём – цветами из горных долин. А будешь ещё в отаре озоровать – я на спине твоей чешуйчатой крест вырежу!

Застыл змей от ужаса – понял, что с ровней судьба его свела.

– По-погоди грозиться, да-давай сперва силой по-померяемся, – лепечет змей, а сам даже огнём пыхать забывает.

– Это мне-то с тобой силой меряться, ящер? Да я только дуну – ты и лапами кверху завалишься!

Наклонился Стан, нашарил на земле пастушью котомку, в которой сыр овечий лежал – целая непочатая голова, – и кричит:

– Ступай к реке, сыщи камень величиной вот с этот мельничный жёрнов – поглядим, кто из нас сильнее!

Змей к реке метнулся, отыскал, что было велено, приволок на бугорок.

– А теперь, ящер, попробуй-ка выжми из этого камня пахты сколько сможешь.

Стиснул змей в кулаке свой камень, поднатужился – камень и рассыпался в пыль, будто булка засохшая. Понятно, никакой пахты змей не добыл и рассердился ужасно.

– Глупый человек! Где это слыхано, чтобы из камней пахта лилась!

– Это смотря как взяться, – отвечает Стан.

Стиснул он в кулаке сыр – потекла из него пахта, землю намочила.

«Вот так силища! – думает змей. – Полечу-ка я лучше домой, пока цел».

А Стан разохотился со змеем тягаться, да и смекнул, что змей – трус преизрядный. Заступил ему Стан дорогу:

– Куда же ты, ящер? А кто отвечать будет за барашков, да за овечек, да за ягнят, которых ты из стада похитил? Нет, не отпущу я тебя – накажу за разбой!

Бедняга змей шелохнуться не смеет: а ну как Стан Сокруши-Скала дуновением его повалит, среди цветов на горном пастбище косточки схоронит?

Со страху, говорят, голова куда как быстро соображает! Вот и змей сообразил.

– Слушай, – говорит он Стану, – ты молодец хоть куда, а моей матушке как раз умелый да сильный слуга надобен. Полетели со мной! Здешние три дня всё равно что год в земном мире; ежели возмёт тебя матушка на службу, так за каждый день семь мешков монет тебе отвалит! Соглашайся – дело выгодное!

Голова у Стана закружилась, как счёл он, сколько же это всего мешков получится. Согласился Стан служить старой змеихе, и пустились они со змеем в путь.

Долго шли местностью дикой, пустынной. Вдруг засверкали издали два огня, яркие-пре-яркие. Не понял Стан, что это такое, лишь на пороге змеева жилища сообразил: то глядела на дорогу, сына поджидаючи, сама змеиха-матушка. Уж она и очаг затеплила, и котёл приготвила, чтобы молоко овечье кипятить. Старая-престарая была змеиха, точно земля, точно само время; рассчитывала она, что принесёт змей-сынок молока молодильного.

Смотрит – пустой бурдюк на змеевом плече болтается. Рассвирепела змеиха, запыхала дымом-пламенем, да не успела напуститься на сына с бранью.

Живо выставил змей вперёд себя своего попутчика, зашипел ему в ухо:

– Побудь здесь, а я с матушкой потолкую, представлю тебя как следует.

А Стан давно раскаивался, что дал завести себя в такие дикие места. Да поздно – раз уж связался со змеем, будь Станом Сокруши-Скалой, страха не показывай!

Змей тем временем свою матушку в дом увлёл и шепчет:

– Матушка, матушка! Объявился этот смертный на нашу погибель! Он камнями питается, он из жерновов пахту выжимает! Решил я, что негоже такому силачу на воле разгуливать, и прельстил его богатой наградой. Ты уж придумай, как извести проклятого!

– Не тревожься, сын мой! – отвечает змеиха. – Ещё ни один смертный из моих когтей не ускользал – и этому не ускользнуть!

Сказав так, вышла змеиха к Стану и объявила, что принимает его на службу.

Вот назавтра притащила она палицу, семь раз железной цепью обмотанную, и велела Стану со змеем силой меряться.

Подхватил змей палицу, словно пёрышко, над головой раскрутил, за три версты забросил и говорит, довольный:

– Ну, Стан Сокруши-Скала, попробуй удачи – забрось палицу дальше моего!

Пошли оба за палицей. Умаялся Стан, пока три версты отмахал. Нагнулся, пощупал палицу. Похолодел от ужаса. Ясно стало Стану: соберись тут все сто его детей – и то, вместе с ним, не сумели бы они даже от земли оторвать змеево оружие.

– Что ж ты медлишь, Стан Сокруши-Скала? Метать палицу будешь ли? – спрашивает змей, а сам от нетерпения хвостом так и елозит.

– Да вот думаю: что за славная палица! Жаль такой палицей тебя жизни лишать. А ведь я лишу! Вот как размахнусь, да как раскручусь – тут тебе и погибель.

– Это всё пустые разговоры! Бери палицу да показывай, на что способен! – храбрится змей.

– Э, да ты, я погляжу, жизнью совсем не дорожишь! Ладно, швырну я палицу, только давай прежде пир устроим на три дня. По крайней мере, ещё чуток поживёшь, а погибнешь сытым.

До того спокойно говорил Стан, что тревога взяла змея. Ещё не верил он, что Стан его укокошить способен. Но с тревогой ведь как: раз уж закралась в сердце, будет точить да раздуваться.

Вернулись змей со Станом в дом, выбрали из матушкиного погреба всё съестное, притащили на то место, где палица упала, и давай пировать. Ночь наступила да и минула, заря брезжит – а Стан, на мешке со змеихиными припасами сидя, всё на небо поглядывает.

– Что ты там интересного увидал? – спрашивает змей.

– Да вот жду, пока луна закатится.

– Разве она тебе мешает?

– Конечно! Вот как размахнусь, да как раскручусь – палицу прямо на луну заброшу. Пусть уж лучше луна уйдёт с моей дороги.

Поёжился змей. Очень он палицей дорожил, ведь она ему от дедушки досталась. А ну как и впрямь затеряется на луне ценная вещь?

Подумал, подумал змей да и говорит:

– Знаешь что, Стан Сокруши-Скала, – не кидай палицу вовсе. Я за тебя её во второй раз кину, с тем и к матушке моей вернёмся.

– Ещё чего! – горячится Стан. – Непременно кину палицу – пускай только луна зайдёт.

Тут змей принялся Стана уговаривать, да умасливать, да прельщать. Еле-еле уломал – семь мешков монет посулил, только бы Стан не трогал палицы.

Вернулись они домой, змей сразу к матери бросился, зашептал в страхе:

– Матушка, матушка! Что за чудовище в доме нашем! Поверишь ли – насилие отговорил я этого Стана, не то забросил бы он дедушкину палицу прямо на луну!

Испугалась тут и змеиха. И впрямь не каждый день такие смертные попадают!

Назавтра уже и помину не было о палице, а задала змеиха сыну и Стану новую работу.

– Ступайте за водой, – велит она и тащит двенадцать бурдюков, сшитых из воловьих шкур. – И чтобы до заката управились!

Пошли Стан со змеем к ручью. Стан глазом моргнуть не успел – а змей все двенадцать бурдюков наполнил водой, в дом отнёс, воду в кадушки вылил, а Стану притащил пустые бурдюки.

Что было делать? Стан и пустой-то бурдюк едва поднимал, а ежели водой его наполнить – и вовсе с места не сдвинешь! Но не растерялся Стан. Вынул ножик из-за голенища и давай землю ковырять возле ручья.

– Что это ты затеял, Стан Сокруши-Скала? – спрашивает змей. – Давай воду носи в дом!

– Ещё чего! Буду я напрягаться, по ложке воду таскать! Я сейчас новое русло для ручья вырою – вода сама к дому побежит!

Змей от изумления пасть разинул – а закрыть позабыл. Стоит, таращится на Стана. Вспомнился змею дедушка, тот самый, который палицу ему в наследство оставил. Любил дедушка возле ручья сиживать; а теперь что же – Стан русло изменит, дедушкину память оквернит, да ещё и дом, пожалуй, затопит.

– Послушай, Стан Сокруши-Скала, давай я за тебя бурдюки отнесу, – предлагает змей.

– Ну уж нет! – говорит Стан, а сам землю ножиком ковыряет.

Принялся тогда змей его умасливать да прельщать. Семь мешков монет посулил – насилу отговорил от страшной затеи: новое русло для ручья рыть. Спрятал Стан свой ножик с большой неохотой, пошёл к дому, а змей за ним двенадцать бурдюков потащил.

На третий день наказала змеиха Стану и сыну дрова заготовливать. До трёх не сосчитал Стан – а змей уж немало деревьев в лесу повалил да обмотал верёвками. Тогда огляделся Стан, вырвал с корнем дикий плющ, отыскал самое толстое и высокое дерево, забрался на верхушку, плющом её обвязал и петлю из плюща набросил на соседнее дерево.

– Эй, Стан Сокруши-Скала, что это ты затеял? – беспокоится змей.

– А сам не сообразишь? – усмехается Стан, новые петли на соседние деревья набрасывая.

– Ты зачем это деревья макушками связываешь? – спрашивает змей.

– Затем, что не привык по одной щепке в сарай таскать; вот сейчас дёрну этот ствол – остальные за ним и потянутся.

– Да неужто ты все эти деревья унесёшь, Стан Сокруши-Скала?

– Конечно! Дома я ещё и не такие пучки носил!

Затрясло змея с головы до кончика хвоста, вся чешуя дыбом поднялась.

– Вот что, Стан Сокруши-Скала, давай лучше я за тебя дров натаскаю, а ты лес наш оставь. За это получишь семь мешков монет!

– Вижу я, славный ты парень, даром что ящер, – отвечает Стан. – Будь по-твоему. Почему приятное не сделать, ежели это усилий не требует?

На том и порешили. Змей натаскал дров, а Стан согласился лес не крушить.

Вот и три дня службы кончились. Назавтра, значит, надо Стана отпускать, да с наградой.

Всю ночь шептались змей и змеиха-матушка. Думали, спит Стан – а он не спал. Глодала Стана тревога: как потащит он домой столько мешков с монетами? Ворочается он в постели и вдруг слышит змеев голос:

– Горе нам, матушка! Давай, пока целы, рассчитаемся с проклятым смертным, да и пусть убирается из наших мест!

– Рассчитаемся, рассчитаемся! – отвечает змеиха. – Да только не денежками! Денежки самим пригодятся.

– Как же так, матушка? Осерчает Стан Сокруши-Скала, ежели не выплатим ему обещанного!

– Не осерчает, ежели ты его нынче порешишь! – шипит змеиха.

– Боязно мне, матушка!

– Не трусь, сынок. Возьми дедушкину палицу, ступай к Стану в каморку да и забей его, спящего!

Услыхав такую речь, бегом бросился Стан во двор, схватил корыто, из которого поросят кормят, да и положил вместо себя на кровать, попонкой прикрыл. А сам под кроватью спрятался и притворно захрапел.

Вот слышит – крадётся змей. Размахнулся да и обрушил палицу прямо на корыто! Застонал Стан из-под кровати, будто раненый, а змей скорей к матушке бежать!

Только дверь за ним закрылась, вылез Стан, убрал обломки корыта и улёгся в постель – но глаз не смыкал до зари.

Наутро входит он на кухню как ни в чём не бывало. Сидят змей со змеихой, завтракают.

– Доброго утречка, хозяева, – здоровается Стан.

– Доброго утречка, – отвечает змеиха. – Каково спалось?

– Не худо, только среди ночи приснилось мне, будто блоха меня в лоб кусает. Может, так и взаправду было, потому что меж бровей у меня ссадина.

Переглянулись в страхе змей со змеихой.

– Слыхала, матушка? Блоха его укусила! А ведь я палицу ему на лоб обрушил!

Задрожала змеиха от таких слов, отсыпала трижды по семь мешков монет – пускай только Стан поскорее убирается. А тот и сам дрожит – ему ведь и одного мешка с земли не поднять. Вот сейчас его и разоблачат!

– Что же ты стоишь, Стан Сокруши-Скала? – спрашивает змей вкрадчиво. – Неужто по дому не стосковался? Неужто не ждёт тебя никто?

– Засмеют меня в селе, – отвечает Стан. – Почему, скажут, так мало заработал? Гляньте, скажут, на Стана – пока у змея служил, сам захирел, зачах, змею уподобился! Лучше я ещё годок у вас послужу, дорогие хозяева!

Взвыли хором змей и змеиха-матушка!

– Дадим тебе ещё семь мешков! Семь раз по семи дадим, только уходи, оставь нас в покое!

– Вон оно что! Не ко двору, значит, я здесь пришёлся! – говорит Стан. – Что ж, насильно мил не будешь. Уйду я, только вы мне денежки отнесите, а то перед соседями стыда не оберёшься.

Не успел сказать – змей взвалил все мешки себе на плечи и вперёд Стана побежал.

Долог был путь до родного села. Но вот показалась крыша с трубой и услышал Стан детский гомон. Страшная мысль пришла ему в голову: «Да ведь проклятый змей сейчас пронюхает, где я живу, и отомстит! Либо добро своё заберёт, либо кого-нибудь из милых наших детушек утащит!»

И обратился он к змею с такой речью:

– Поберёгся бы ты, змей! Детей-то у меня целая сотня, и все как один прожорливые да драчливые! Как бы они тебя не обидели! Уж я постараюсь, приструню их, да только они не больно-то слушаются!

«Сотня детей! – думает змей. – Ежели они в отца пошли – я пропал!»

Уронил он со страху мешки, да опомнился – поскорее подобрал. А тут дети, и впрямь целая сотня, как выскочат навстречу отцу. Все голодные – с тех пор как ушёл Стан в раздобытки, досыта не ели бедные малыши! Каждый вилку держит в левой руке, а нож – в правой; лязгают вилки о ножи, ножи о вилки, а детишки кричат на сто голосов:

– Мясо, мясо! Отец нам целого змея пригнал, то-то наедемся нынче!

Не стал змей медлить – бросил мешки, в небо взмыл, за тучами скрылся и с тех пор в нашем мире не показывается – боязно ему!

Сыновья с золотыми звёздами

Что было, то было; а ежели бы не было, так и сказку бы не сказывали.

Правил когда-то один могущественный император, полмира под своей властью имел, и были среди его подданных старик-пастух с женой и тремя дочерьми. Звали девушек Анна, Стана и Лаптица ¹.

Анна, старшая, уж такая была красасавица! Пригонит овец на пастбище, а они и траву жевать забывают – всё Анной любуются.

Стана, средняя, ещё краше сестры выросла. Волки на неё заглядывались, овец охраняли, когда Стане черёд выпадал на пастбище идти.

А Лаптица, младшенькая, обеих сестёр красотой превзошла. Кожа у неё была белая-белая, точно пена молочная, волосы – блестящие, как золото, и мягкие, как ягнячья шерсть. Словом, не видал ещё свет никого прекраснее Лаптицы, пастушьеи дочери.

Вот однажды, в жаркий летний день, пошли сёстры по землянику. Только наладились ягоды рвать, слышат – конский топот землю сотрясает, к ним приближается. Грохоту – будто целая армия верхами скачет. А то император на охоту со свитой выехал.

Вся-то свита императорская сплошь из знатных юношей. Молодцы они на подбор; сидят в сёдлах будто влитые, и кони им послушны, как человеку нога или рука собственная послушна. А лучше всех, сильнее всех, прекраснее всех – сам молодой император.

Ещё издали увидели охотники трёх девушек, отметили, до чего они хороши собой, и коней осадил, шагом пустили, чтобы мимо такой красоты не промчатся.

Заметили и девушки императорскую охоту, и сказала Анна сёстрам:

– Если возьмёт меня в жёны один из этих витязей, я ему волшебный каравай испеку. Кто его отведаст – навсегда молодым и сильным останется.

Вздыхнула средняя сестра, молвила:

– Если мне судьба улыбнётся, если выйду я замуж за пригожего дворянина – такую рубашку ему сошью, в какой сможет он хоть с драконом сражаться – всё невредим останется. Вода его не намочит, огонь не опалит!

¹ Имя Лаптица означает «та, у которой кожа бела, как молоко».

А Лаптица зарделась и шепчет:

– Я своему супругу подарю сыновей-близнецов. Будет у каждого во лбу золотая звезда – яркая, словно с небес упавшая.

Донеслись эти речи до императора, и воскликнул он:

– На слове тебя ловлю! Станешь моей женой, прекраснейшей императрицей из всех, что когда-либо на свете жили!

Подхватил Лаптицу на скаку, и корзинку с земляникой не забыл.

Двое самых бойких витязей не растерялись. Один к Анне коня направил, другой – к Стане.

Так все три сестры-красавицы попали в императорский дворец. Уже назавтра тройная свадьба гремела; три дня и три ночи продолжалось веселье. Когда же закончился пир, всю империю облетела новость: послала Анна за мукой, будет печь волшебный каравай.

Ещё два дня и две ночи минуло – купила Стана лён, высушила, расчесала, полотна наткала да засела волшебную рубашку шить.

У императора была мачеха, у мачехи же – дочка от первого брака. Обе во дворце жили, и тешилась мачеха мечтою, что женится император на её дочери. Никак не ожидала она, что императора и корону получит белоликая пастушка. Люто ненавидела мачеха Лаптицу; момент выжидала, чтобы с ней по квитаться.

Да разве тронешь молодую императорскую жену, когда сам император глаз с неё не сводит, руки её нежной из рук своих не выпускает! Вот и нет злыдне покоя: день и ночь думает, как бы императора из дворца выманить.

Не до охоты императору, не до забав – весь мир для него в молодой жене. И тогда написала мачеха письмо своему брату, который правил соседним королевством. Собрал тот король громадное войско, взял в осаду приграничные города. Не стерпел император такого коварства.

– Ничто и никто меня не остановит, даже молодая жена! Будет знать сосед, как города мои осаждают!

Так сказал император, живо собрал войско и помчался навстречу врагу.

Не ожидал король – брат мачехи, – что ответ таким скорым окажется. Налетел на него император, подобно вихрю, разметал всех его солдат, подписал мирный договор, для себя выгодный, и скорей домой. Уже через три дня вступил под дворцовые своды.

Не знал он, что рано утром, когда звёздочки на небе чуть побледнели, разрешилась Лаптица от бремени близнецами. Златовласы были оба мальчика, и у каждого во лбу сияла звезда.

Да не дремала злая мачеха. Выкрала она детей, выкопала яму под окном императорской опочивальни, заживо близнецов погребла, а Лаптице, которая в забытии лежала после родов, подсунула двух щенят.

Этой-то вестью – что императрица щенят на свет произвела – императора и встретили. Бросился он к жене, собственными глазами увидел: не сдержала она слова, данного на земляничной поляне, а значит, надобно её наказать.

Сердце разрывалось у молодого мужа, ведь любил он жену крепко, – да как же быть с честью императорской? Вот и повелел он схватить Лаптицу и закопать в землю по самую шею, чтобы все знали: так будет с каждым, кто императора обманет.

А вскоре исполнилось заветное мачехино желание – женился император на её дочери. Снова три дня и три ночи свадьбу праздновали, – да только нам-то какое дело? Мы лучше поглядим, что с близнецами случилось.

Не умерли они, а проросли двумя стройными осинками. Кололи осинки мачехины глаза, о страшном злодеянии напоминали. Велела было мачеха срубить их, да император вмешался:

– Чтоб к деревьям этим никто подходить не смел! Пусть растут – на них очи мои отдыхают.

И стали осинки расти со скоростью деревьям несвойственной. Каждый день они вырастали, как обычное дерево – за целый год. За ночь прибавлялся им ещё год, а на рассвете, когда звёзды небесные бледнеют, каждая осинка тремя годами старше становилась. Скоро затенили их ветви окно, и не было теперь для императора большей отрады, чем слушать, как шелестят на ветру осиновые листочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.